

Правоведение

УДК 340.6

С.Л. Бехтерев, Е.П. Богданова

СУДЕБНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Раскрывается преемственность традиций в истории судебных приставов России. Актуализация и анализ проблемы осуществлены на примере судебно-исполнительных учреждений Удмуртского Прикамья, традиционно занимающего особое место в геополитических интересах руководства страны. Основное внимание уделено имперскому дореформенному периоду в развитии отечественного исполнительного производства (XVIII – первая половина XIX в.). Предвестником либеральных правительственных мероприятий стала следственная реформа 1860 г. Судебные следователи были включены в штат уездного суда и назначались министром юстиции по представлению губернатора. На протяжении 1860-1861 гг. происходили заполнение новооткрытых вакансий в уездных судах и ликвидация должностей следственных приставов в судах земских. Кризис крепостничества и формирование капиталистических отношений выявили к началу 1860-х гг. потребность в проведении более масштабных политико-правовых преобразований, соответствовавших новым историческим условиям. Актуальной оставалась проблема восстановления института судебных приставов.

Ключевые слова: Россия, судебно-исполнительные учреждения, Удмуртское Прикамье, дореформенный период, судебная реформа, судебный пристав, историко-правовой аспект.

Одним из направлений современных историко-правовых исследований является проблема становления и развития службы судебных приставов в России [1. С. 8-15]. Актуальным тематическим сюжетом можно выделить имперский дореформенный период в его эволюции, в рамках которого сложились предпосылки «Великих реформ» 1860–1870-х гг.

Поистине революционные изменения в отечественную систему судебно-исполнительных учреждений внесли реформы двух выдающихся правителей России: Петра I и Екатерины II. Новшества коснулись как организационного соподчинения, так и правового статуса должностных лиц.

В начале XVIII в. основной административно-территориальной единицей России оставались уезды. В Прикамье ими управляли назначавшиеся правительством воеводы, подчинявшиеся Новгородской четверти (на севере) и Приказу Казанского дворца (на юге). По реформе Петра I северная часть Удмуртии вошла в Сибирскую, а южная часть – в Казанскую губернию. Губернаторам подчинялись уездные воеводы или заменявшие их обер-коменданты и ландраты. В 1719 г. губернии были подразделены на провинции, управлявшиеся воеводами, подконтрольными новым центральным и высшим органам – коллегиям и Сенату. Северные районы Прикамья оказались в составе Вятской провинции, переданной в 1727 г. из Сибирской в Казанскую губернию. В ходе реформы 1727–1728 гг. губернаторам, провинциальным и городским уездным воеводам были переданы административные, финансово-хозяйственные, полицейские полномочия, функции по обеспечению деятельности суда [2. С. 107-110]. Такая система управления сохранялась до 1775-1780 гг. – нового этапа губернской реформы. Согласно Указу Екатерины II от 11 сентября 1780 г., учреждалось Вятское наместничество, преобразованное 12 декабря 1796 г. в губернию. Позднее, с 1817 до 1917 г., в ней числилось 11 уездов, четыре из которых – Елабужский, Сарапульский, Малмыжский и Глазовский – считались «удмуртскими».

В 1797 г. с проведением волостной реформы все прежние территориально-административные единицы ликвидировались и вводились единообразные для всей России волости. Уездом управлял капитан-исправник, подчинявшийся непосредственно губернатору. На все должности в местном аппарате назначались преимущественно русские чиновники. Высшие должности стремились распределить между дворянами, при этом предпочтение отдавалось военным. Все делопроизводство велось исключительно на русском языке. На самые низшие должности сельских заседателей нижнего земского суда, заседателей нижней расправы иногда назначались представители местных народов.

Волостное правление стало основным органом общинного самоуправления и по полицейским делам вошло в подчинение нижнего земского суда и земского исправника. Император Александр I в 1801 г. подтвердил этот порядок управления. Волостному правлению предоставлялась возможность

рассматривать дела на основе обычного права. Подобная практика исключала следственное делопроизводство. Материалы расследования не фиксировались, судебная процедура упрощалась. На основании словесного заявления истца правление призывало ответчика, который должен был признать или опровергнуть доводы обвинения. Волостное правление (или голова) составляло окончательное заключение по делу. Такая система территориально-административного устройства, сочетавшая коронную администрацию и органы самоуправления, сохранилась вплоть до первой четверти XX в., лишь отчасти изменяясь и демонстрируя свою эффективность уже в условиях бурного развития капиталистического уклада в Российской империи [3. С. 104-109].

Преобразования коснулись и судебной системы. В 1719 г. территория страны была разделена на 11 судебных округов, подсудных надворным судам. В нижнем звене находились провинциальные, городские и приравненные к ним земские суды. Появились военные суды – генеральные и полковые кригсрехты, а также духовные. Их деятельность подчинялась Юстиц-коллегии. Взаимоотношения судов с иными органами государственного управления, в том числе местными, приобрели форму координации. В этом взаимодействии проходило реформирование принудительного исполнения судебных актов.

С преобразованиями Петра I, стремившегося развивать государственную власть в рамках общеевропейской традиции и отделить судебные органы от администрации, связан новый этап в эволюции системы исполнения решения судов. Так, Указом от 24 мая 1700 г. «О посылке солдат дворцового караула для сыска и представления в Судный приказ ответчиков и для взыскания с них пошлинных денег и истцовых исков» прекращалось направление подьячих и приставов из Судного приказа. Другим Указом Петра I № 3255 от 12 декабря 1717 г. образовывалась Юстиц-коллегия. В нее вошёл Урядный приказ, осуществлявший исполнительно-распорядительные функции на основании судебных решений и властных актов высших органов и должностных лиц Российского государства. Для данных целей Преображенскому приказу отдавалось распоряжение направлять солдат по мере надобности [4. С. 77-79].

Основными нормативно-правовыми актами петровской эпохи, регулировавшими статус лиц, обеспечивавших деятельность суда и исполнявших его решения, стали Краткое изображение процессов и судебных тяжб 1715 г. и Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. Первый документ регулировал порядок отправления правосудия в военных судах. Действие Краткого изображения распространялось не только на военные, но и на все другие суды, рассматривавшие гражданские и уголовные дела. С введением в действие Указа «О форме суда» органы военной юстиции действовали по Краткому изображению процессов и судебных тяжб. Позже указ применялся при рассмотрении гражданских дел, а Краткое изображение – уголовных дел, причем как военными, так и невоенными судами. Долгое время наряду с новыми нормативно-правовыми актами продолжало действовать и Соборное Уложение в части, касающейся розыскного процесса. Сношения царского правительства с губерниями при Петре I происходили через указы и инструкции, которые предписывали водить эти институты с учетом особенностей регионов [5. С. 61-62].

Получила завершение в XVIII в. тенденция увеличения полицейских функций приставов. В числе первых указов Петра I 1697–1700 гг., посвященных процессу, в частности Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», приставы при судах ликвидировались, а их функции распределялись между различными органами центрального и местного управления. Суд объявлялся самостоятельным органом, а администрации, которая ранее в числе прочих полномочий отправляла правосудие, теперь вменялось в обязанность содействовать деятельности суда при подготовке дела к разбирательству и в исполнении судебных решений.

Указом от 15 июля 1700 г. отменялось производство взысканий посредством «выдачи головою до искупу», реализовавшееся приставом. Появилась заметная тенденция в стремлении извлекать пользу для государства от работы должника. Несостоятельные должники, независимо от размера долга, посылались на строительство Ладожского канала в Охотск, сооружение крепостей в Оренбургском крае. Правеж, имевший громадное значение в течение XVII столетия, Указом от 15 января 1718 г. № 3140 заменялся ссылкой должников на галерные работы в Адмиралтейство (для мужчин) или прядильные дома (для женщин). Таким образом, если основной целью правежа с начала его возникновения являлось исполнение имущественного взыскания, затем наказание неисправного должника, то в

XVIII в. в нем отпала необходимость. Теперь смыслом правежа стало сочетание наказания с полезным применением труда неисправного должника в пользу не кредитора, а государства.

Интересен вопрос о «правеже в канцеляриях», упоминающемся в именном указе о должниках от 15 января 1718 г. По мнению ряда исследователей, правеж петровских указов имел мало общего с одноименным рассмотренным выше институтом. Правеж именных указов выражал процесс взимания денег. Именно этот смысл присутствует во фразе «штрафные деньги через земских комиссаров были правлены» Наказа воеводам 1719 г. Указ «О форме суда», регламентируя удовлетворение исков, предусмотрел, что «буде по ком есть поруки, править иски на поручниках, а буде порук нет, брать из движимаго и недвижимаго их имения; а ежели по прошествии недели кто и явится..., иски править по вышеписанному ж». В условиях реформы судебной системы закономерным стал отказ от приставов как от органа, на который возлагалось исполнение данных процессуальных действий.

Таким образом, в петровскую эпоху правеж все чаще заменялся принудительными работами; отменялась и такая мера пресечения, как «отдача за пристава».

С 1697 г. процесс стал розыскным как по делам частного характера, так и по большинству уголовных дел. Это обусловило характер процедур по вызову в суд, сбора доказательств по делу, исполнению решений суда. С отменой должности пристава данные функции были возложены сначала на подьячих, а позже на дьяка: «По подаче прошения и помете оногo Дьяк сыскивает ответчиков тотчас». Пытку ответчика как основной способ получения доказательств по делу осуществляли палачи, состоявшие в штате суда. Имущественные взыскания производили три специальных чиновника Главного магистрата.

Штат военного суда (кригсрехта) предусматривал наличие адъютанта при судьях, наделенного функциями, ранее принадлежавшими приставам. Касаясь оповещения участников процесса, ст. 11 Краткого изображения предписывала «челобитчика и ответчика, которые до оногo времени во особливом месте дожидаются, через отъютанта, который к суду определен, позвать и оных спросить, не имеет ли кто из них друг на друга чего в суде донести».

Функционирование гражданских судов в провинциях обеспечивалось воеводой. При этом его вмешательство в деятельность суда имело строго установленные пределы. Инструкция (или Наказ воеводам 1719 г.) гласила, что воеводе «не подлежит ссор тяжбного дела между подданных судить и судьям в расправе их помешательство чинить, однако ж ему крепко смотреть, чтоб земские судьи по данной инструкции уездной суд отправляли, ... протоколы б от уездных судов его царского величества в Надворный суд отправляли». Более того, на воеводу и приданный ему административный аппарат возлагалась функция контроля за исполнением решений судов. В аппарат воеводы входили секретарь, земский надзиратель сборов и земский комиссар. Секретарь ведал делопроизводством воеводы и следил за правильным движением корреспонденции. Земский надзиратель сборов контролировал своевременное поступление сборов, которые, в свою очередь, взимал земский комиссар. Из смысла Наказа воеводам 1719 г. следует, что именно земский комиссар осуществлял принудительное исполнение решений судов. В частности, ст. 5 Наказа прямо предписывала воеводам следить, чтобы «штрафные деньги через земских комиссаров были правлены». Необходимо учесть, что положение земского комиссара было именно должностным, его должность предусматривалась Табелем о рангах.

Получили подробную регламентацию процедура взимания штрафов и в целом экзекуция (исполнение решений суда). В соответствии со ст. 41 Наказа воеводам собранные штрафы отражались земским комиссаром в ведомости, направлявшейся земскому надзирателю сборов. Последний учитывал приход штрафных денег в записной книге с алфавитным регистром. На основе данных учета воевода составлял ведомость об экзекуциях и направлял ее в Надворный суд по окончании каждого года. Предусматривались случаи, когда воевода, руководствуясь, видимо, личным мнением о существовании гражданского спора, откладывал экзекуцию и сообщал об этом в Надворный суд. В этих случаях воеводе предписывалось «давать ему челобитчику письменные о том резолюции с своими резонами; и ежели надворный суд оные доклады и резоны за благо воспримет, то в том быть довольным; а ежели что противным, то всеми надлежащими убытки правового челобитчика ему удовольствовать по Уложению». Наказ – не единственный нормативный правовой акт, содержащий ссылку на Соборное Уложение. В ст. 13 Указа от 21 февраля 1697 г. предписывалось «пошлины с исков с тех розыскных дел на виноватом иметь по прежнему великого государя указу и по Уложению». Соборное Уложение, таким образом, продолжало действовать в части, не противоречащей указам Петра I.

В петровскую эпоху был актуализирован институт поруки. Так, именным указом от 15 января 1718 г. «О должниках», регламентируя процесс взыскания долгов с безденежных должников, допускал предоставление им отсрочки «з добрыми поруками на полгода». Неисправных должников, «как самих, так и поручиков их», предписывалось «на правеже не держать, а отсылать их из губернии из канцелярии в Санкт-Петербург, и отдавать во Адмиралтейство...». Указом от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» предусмотрел поруки в своевременной явке ответчика на судебное разбирательство, а его раздел 5 – доставку ответчику копии челобитной, «дабы неделя полная та копия в ответчиковых руках была (кроме тех дней, в которые поруки по себе собирать будут)...».

В то же время особенно со второй половины XVIII в. в Российской империи стали повсеместно появляться «долговые ямы». Действовала круговая порука. За неуплату подушной подати продавали имущество должника, применяли телесные наказания, ссылали на принудительные работы. Однако недоимки росли, и с 1769 г. в безнадежных случаях они стали списываться. Царское правительство «складывало» долг, приурочивая это к каким-либо видным политическим событиям.

В целом с конца XVII в. судебные приставы перестают существовать как специальный вспомогательный институт судебной и административной власти в России. Их полномочия передавались мелким судебным чинам, полицейским и другим государственным служащим.

Екатерина II отнесла функции урядников (приставов) к полиции. Ее устройство относится к 1782 г. после утверждения Устава благочиния. Так, в состав Вятской управы благочиния входили городничий, два пристава (уголовных и гражданских дел), два ратмана (выборные судьи от купечества и мещан). Каждая часть г. Вятка, в свою очередь, делилась на кварталы. Уездные города Вятской губернии в этот период делились только на кварталы: Слободской – 5, Сарапул – 4, Елабуга – 3, Кай – 1, остальные, в том числе Глазов и Малмыж – на 2 квартала [6. С. 12].

Для удобства управления губернский центр был разделен на две части, которыми заведовали частные приставы, имевшие при себе полицейскую команду. Вятские приставы взаимодействовали с выборными лицами (по два на каждую из частей): совестными судьями и частными маклерами. Первые занимались словесным разбором гражданских дел, а вторые наблюдали куплей–продажей зданий и сдачей их внаем. В 1786 г. приставы были разделены на полицейских, исполнявших решения судов, и становых, осуществлявших охранную функцию [7. С. 80].

Охранной функции придавалось особое значение. Так, 16 сентября 1812 г. последовало соответствующее предписание Ижевской управы благочиния от местной оружейной конторы. Это был один из первых документов, касавшийся организации службы полицейских приставов в Удмуртии. Селение Ижевского завода разделялось на три части. Первая включала округу от переулка Кирхнерова выше за деревню Подборную; вторая – от того же переулка вниз по течению р. Иж за госпиталь; третья – всю заречную часть. Частным (от слова «часть») приставом первой из них назначался поручик Сукешев с окладом 500 рублей годовых; второй и третьей – соответственно коллежские регистраторы Жилкин и Смирнов. Последний заведовал и починком Ключи в заречной части. В их полном распоряжении находились полицейские служители. Круг обязанностей частных приставов был достаточно широк: они имели ежедневное военное присутствие в специальных казенных помещениях – съезжих дворах (в простонародье – «съезжих»), соблюдали «в самой точности устав благочиния», производили следствие, а также должны были по очереди дневалить в управе благочиния и отлучаться из нее только при выполнении поручений полицмейстера. Для ведения следственных дел каждому приставу выделялся письмоводитель [8. С. 77-78].

Относительно исполнения полицией судебно-вспомогательных функций следует заметить, что оно себя не оправдало. Имелись случаи, когда из-за несвоевременного вызова в суд истцов, свидетелей и ответчиков судебные разбирательства затягивались на несколько десятков лет. Полицейские чины не были материально заинтересованы в обеспечении явки в суд всех приглашенных лиц. Исполнение же состоявшихся приговоров судов также затягивалось на годы.

Образование в 1802 г. министерств затронуло и службу приставов. Исполнительная полиция (полицейские приставы) была отнесена к Министерству полиции, выделившемуся из Министерства внутренних дел. Однако в 1819 г. Министерство полиции вновь вошло в это министерство. Становые приставы находились в компетенции Министерства юстиции.

Вообще, исполнение полицейских функций, особенно на местах, оставалось в постоянном поле зрения коронной администрации. Достаточно отметить, что вследствие особого представления Сенатской комиссии, ревизовавшей в 1826 г. Вятскую губернию, количество чинов земской полиции

здесь было удвоено. Более того, полномочия Ижевской заводской полиции определил лично император Николай I, утвердивший 19 декабря 1829 г. Положение об Ижевском оружейном заводе. Местная полиция находилась «под распоряжением полицмейстера» и «заведовала жительствующими на основании Устава благочиния и городского положения». Полицейстер с частными приставами наблюдал и отвечал в первую очередь за то, чтобы «в оружейных слободах сохраняемо было устройство, тишина и благочиние и ничего противозаконного допускаемо не было». Далее, полицейские чины наблюдали за тем, чтобы «в лавках, на рынках, в питейных и гостиных домах съестные припасы и напитки продавались совершенно в пищу годные и для здоровья невредные, и ни в чем не было бы обмана в весе, мере, количестве и доброте; для чего почасту посещают все таковые места, проверяя весы и меры, и смотрят за добротою всего продаваемого. О съестных же припасах, продаваемых в лавках, составляя таксы, представляют оные на утверждение командиру (завода)».

Охранные учреждения разбирали и прекращали «случающиеся между людьми заводского ведомства ссоры и драки», по поручению смотрителя завода принуждали к работе неявившихся мастеровых. Ведали они и пожарным делом, следили за тем, «чтобы с завода не были похищаемы казенные материалы» [9. С. 99].

В очередной раз упорядочение системы местных учреждений произошло на основе изданного 3 июля 1837 г. при императоре Николае I «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях». Приставы более плотно начали взаимодействовать с различными отделениями губернской канцелярии. В частности, второе отделение во главе с советником губернатора руководило деятельностью полицейских учреждений; ведало делами по охране «незыблемости веры православной, благонравия народа, порядка и общественного спокойствия»; руководило полицейским розыском. Третье отделение осуществляло надзор за судопроизводством, начиная от руководства следствием и заканчивая исполнением решений; рассматривало жалобы на действия должностных лиц, в том числе приставов; занималось устройством аукционов, конкурсов, посреднических комиссий над именными несостоятельных должников и др. Четвертое отделение осуществляло продажу движимого и недвижимого имущества по казенным взысканиям, боролось с корчемством, выдавало разрешение на открытие винокурных заводов и т.д. Таким образом, в отношении приставов характерно увеличение контролирующих органов.

В то же время 3 июля 1837 г., Сенат утвердил «Положение о преобразовании губернского правления и Земской полиции». Земский суд стал состоять из исправника, одного неперменного заседателя и двух сельских. Уезд разделялся на станы; становые приставы назначались губернатором и входили в состав земского суда. В Вятской губернии назначались 29 становых приставов и 11 неперменных заседателей. Становой был единственным чиновником, на которого возлагались все дела исполнительные, следственные, судебно-полицейские и хозяйственно-распорядительные. Он имел в своем ведении территорию в среднем с 20–30 тыс. жителей. Проблема состояла в том, что при такой нагрузке становой не мог выполнить и 1/10 доли дел. Вместе с тем земский исправник без ведома губернатора не имел права принимать против станового какие-либо меры (привлекать к ответственности, отстранять от дел). Он мог отдавать приказы, требовать, следить за их исполнением, но не больше.

Также при уездных казначействах состояли соляной и винный приставы, контролировавшие соответствующие монополии.

В немалой степени новое становое деление 1837 г. явилось следствием настоятельных требований многих губернаторов. Однако в ходе реформы в большом количестве стали поступать жалобы на неудобство нового и предложения о возвращении старого порядка управления. Недостатками губернаторы видели раздробление и ослабление сил полиции; невозможность исправников воздействовать на беззакония, чинившиеся некоторыми становыми приставами.

Вехой в развитии российского права, в том числе исполнительного производства, стало создание, начиная с середины 20-х гг. XIX в., Свода законов. В один из его разделов вошли «законы гражданские и межевые», включающие «законы о судопроизводстве гражданском и законы о мерах гражданских взысканий». В Своде законов гражданское право впервые было выделено как особая отрасль, хотя материальное право еще не было отделено от процессуального.

В целом исполнительное производство по гражданским делам к середине XIX в. оказалось в глубоком кризисе. Известный отечественный ученый и практик И.В. Гессен писал, что «эта часть находилась в заведовании ... полиции, и едва ли нужно выяснять, в каком положении полиция эту часть содержала» [10. С. 79]. Этот кризис явился следствием несовершенства всей имперской судебной

системы. Дореформенный суд характеризовался множественностью инстанций, сложностью и запутанностью процессуальных требований, невозможностью, порой, определить круг дел, подлежащих рассмотрению того или иного органа. На разрешение, а тем более исполнение судебных дел нередко уходило десятилетия.

Очевидно, что реформирование исполнительного производства в отрыве от судебной системы в целом, а судебной системы как одного из важнейших институтов власти, от иных составляющих государства было невозможно. Поэтому судебная реформа и в ее рамках реорганизация исполнительного производства требовали тщательной подготовки и проведения. Именно в процессе исполнения судебных решений властные структуры наиболее тесно соприкасались с местными условиями жизни, совершенное неприятие и игнорирование которых в тех условиях могло спровоцировать недоверие к судебной власти в частности и к государственной в целом. Авторы судебной реформы должны были принять во внимание многие аспекты региональной специфики: финансовую обеспеченность, степень подготовленности общественного мнения, особенности национальной политики, местные традиции.

Первоначально подготовку судебной реформы поручили в 1857 г. II отделению императорской канцелярии под руководством Д.Н. Блудова. В числе проектов, подготовленных в 1860-1861 гг., были Устав гражданского судопроизводства, Положение о судостроительстве и производстве дел гражданских порядком сокращенным, Закон об исполнении судебных решений. Примечательно, что регулирование правоотношений в области исполнительного производства выделилось в самостоятельный нормативный акт. Анализ проектов позволяет определить основные направления преобразований исполнительного производства. К ним относились: передача исполнения от полиции специальным судебным органам – приставам под личную ответственность последних; введение приставов-исполнителей и приставов, обеспечивающих деятельность судов; установление оплаты труда приставов не из казны, а за счет должников; возложение контроля и надзора за приставами на прокурора.

Следующий этап подготовки судебной реформы связан с именем государственного секретаря В.П. Буткова, который осенью 1861 г. в своем Докладе о состоянии работ в Государственном Совете предложил привлечь для работы над проектом виднейших юристов А.П. Плавского, Н.И. Стояновского, С.И. Зарудного, К.П. Победоносцева и др. и сосредоточить всю деятельность в Государственной Канцелярии. Результатом работы этой комиссии, одобренной императором 23 октября 1861 г., стали Основные положения преобразования судебной части в России, содержащие основы судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства.

Что касается института судебных приставов, то новая комиссия подтвердила необходимость его существования. Несколько изменялся статус приставов: они стали вспомогательными органами при суде; назначались и контролировались председателями судебных мест. Их компетенция оставалась традиционной для российского процессуального права: исполнение судебных решений по гражданским делам и вызов сторон и свидетелей в суд (ст. 9, 11 Основных положений). Данным документом определялись также статус и роль судебного пристава в исполнительном производстве, порядок оплаты труда, которые почти в полном объеме были восприняты Учреждением судебных установлений и Уставом гражданского судопроизводства. Идея введения данного института получила одобрение Государственного Совета.

Небезынтересно отметить, что первые два направления реформирования исполнительного производства, предусмотренные проектом Д.Н. Блудова, так и не реализованные в ходе судебной реформы 1864 г., проявились в правоприменительной деятельности. Так, необходимость кодифицированного источника по исполнительному производству, объединяющего нормы об организации и деятельности по исполнению юрисдикционных актов, выразилась в попытке их систематизации в работах прикладного характера. Специализация судебных приставов по обеспечению деятельности суда и исполнению судебных решений по гражданским делам нашла отражение в нормах локального нормотворчества судов.

Не осталась в стороне от подготовки реформ и общественность Урало-Поволжья. Так, широкий резонанс получило опубликование в 1862 г. Основных положений судебной реформы, утвержденных императором, в местной печати, а также на страницах Ученых записок Казанского университета.

Предвестником либеральных правительственных мероприятий стала следственная реформа 1860 г. Как известно, к середине XIX в. должностными лицами, специализировавшимся на расследовании уголовных дел, являлись исключительно подведомственные Министерству внутренних дел следственные приставы (в том числе приставы корчемных дел, а также по конокрадству). Они входили

ли в штаты городской и уездной полиции. По опубликованным данным Департамента герольдии Правительствующего Сената, в конце 1859 г. в Российской империи насчитывалось 110 следственных приставов и 4 – корчемных дел. Кроме того, по сведениям А.Г. Мамонтова, к 1860 г. в штатах уездной полиции 16 губерний состоял 101 пристав по конокрадству.

Что касается ординарных следственных приставов (в некоторых случаях в материалах Департамента герольдии они именовались «приставами следственных дел» или же «приставами следственных и уголовных дел»), то в 1859 г. они дислоцировались по территории империи отнюдь не повсеместно и неравномерно. Следственные приставы числились тогда в органах полиции лишь 22 губерний и вовсе отсутствовали в 41 регионе (в 35 губерниях и 6 областях), а также в Финляндии и Царстве Польском. Более всего следственных приставов трудилось в это время в Вятской и Подольской губерниях (по 12 человек).

Построение органов следствия кардинально изменилось в связи с реформой 1860 г. Согласно ст. 2 «Учреждения судебных следователей» от 8 июня 1860 г., судебные следователи вошли в штат уездного суда и назначались министром юстиции по представлению губернатора, которому, в свою очередь, соответствующие кандидатуры предлагал губернский прокурор. На протяжении 1860–1861 гг. происходили заполнение новооткрытых вакансий в уездных судах и ликвидация должностей следственных приставов в судах земских. Примечательно, что в переходный период в Вятской и Пензенской губерниях, например, возникла ситуация, когда в регионе параллельно действовали как следственные приставы, так и судебные следователи. По данным Департамента герольдии, в конце 1861 г. в Вятской губернии числились 24 судебных следователя и 7 следственных приставов. По какому принципу и кто именно в подобной ситуации распределял в производство подлежащие расследованию уголовные дела, остается только гадать, учитывая, что следователи и следственные приставы имели в своем ведении идентичный круг дел [11. С. 114-135].

Кризис крепостничества и формирование капиталистических отношений выявили к началу 1860-х гг. потребность в проведении более масштабных политико-правовых преобразований, соответствовавших новым историческим условиям. Актуальной оставалась и проблема восстановления института судебных приставов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерев С.Л., Богданова Е.П. Правовая культура Средневековья и проблема становления судебно-исполнительных органов в государствах Камско-Вятского междуречья (VII – первая половина XVI века) // Правовая культура. 2015. № 4. С. 8-15.
2. Гришкина М. В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1994. 200 с.
3. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
4. На службе Закону и Справедливости: Очерки истории службы судебных приставов Удмуртии (150 лет Службе судебных приставов России). Ижевск: Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. 368 с.
5. Иванова О.А. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864–ноябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 217 с.
6. Мерзлякова Л.В. Из истории формирования государственного аппарата Вятской губернии в первой половине XIX века // Очерки истории Удмуртии XIX века: сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. С. 9-30.
7. Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Усиевич А.Р. Профессиональная этика судебного пристава. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 239 с.
8. Предписание Ижевской оружейной конторы о разделении селения Ижевского завода на части и организации его охраны от 16 сентября 1812 г. // Ижевск: документы и материалы, 1760–2010. Ижевск: Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики, 2014. 901 с.
9. Из высочайше утвержденного Положения Ижевского оружейного завода от 19 декабря 1829 г. // Ижевск: документы и материалы, 1760–2010. Ижевск: Комитет по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики, 2014. 901 с.
10. Иванова О.А. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864–ноябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 217 с.
11. Серов Д.О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9-1. С. 114-135.

S.L. Bekhterev, E.P. Bogdanova

JUDICIAL AND EXECUTIVE BODIES OF THE UDMURT PRIKAMYE IN XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURIES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article discloses the continuity of traditions in the history of Russian bailiffs. The updating and analysis of the problem are carried out by the example of the judicial and executive bodies of the Udmurt Prikamye which traditionally holds a special place in the geopolitical interests of the country's leadership. Main attention is paid to the pre-reform period in the development of the domestic enforcement proceedings (XVIII – first half of XIX centuries). The investigatory reform in 1860 was the forerunner of the liberal government activities. Judicial investigators were taken on the staff of the County Court and were appointed by the Minister of Justice on the proposal of the Governor. The filling of newfound vacancies in the county courts and the elimination of posts of investigative bailiffs in the zemsky courts occurred during the 1860-1861 years. By the beginning of the 1860s the crisis of serfdom and the formation of capitalist relations revealed the need for more extensive political and legal reforms to meet the new historical conditions. The problem of restoring the institute of bailiffs remained topical.

Keywords: Russia; the judicial and executive bodies; Udmurt Prikamye; pre-reform period; judicial reform; bailiff; historical and legal aspect.

Бехтерев Сергей Львович,
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: sergbehterev@yandex.ru

Богданова Елена Петровна,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Ижевский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»
426052, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, 23
E-mail: kafgpd2@mail.ru

Bekhterev S.L.,
Doctor of History, Professor,
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sergbehterev@yandex.ru

Bogdanova E.P.,
Candidate of Law, Head of Department
of the State Legal Disciplines
Izhevsk Institute (the Branch of)
All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice
of the Russian Federation)
Zarechnoye highway, 23, Izhevsk, Russia, 426052
E-mail: kafgpd2@mail.ru